

КРАСНЫЙ МУНДИРЪ.

КОМЕДИЯ

Р. Б. ШЕРИДАНА.

(Переводъ съ англійскаго).

Помѣщая здѣсь произведеніе одного изъ свѣтилъ англійской драматургіи, мы думаемъ оказать удовольствіе нашимъ читателямъ. Русская публика, повидимому, пріохочивается къ англійской литературѣ, и наши журналы, отвѣчая общему требованію, не перестаютъ передавать на русскій языкъ замѣчательнѣйшія явленія современной письменности Англійи. Но исторически, литература этой страны, столько богатая интересными и самобытными фактами, чрезвычайно мало еще знакома нашему большинству. Между-тѣмъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что внимательное изученіе англійской литературы принесло-бы много существенной пользы для всѣхъ и cadaго, а русскихъ драматическихъ писателей отвлекло-бы отъ давно всѣхъ утомившаго подражанія французскимъ пьесамъ и выкраиванья разныхъ доморощенныхъ шуточекъ, все но одной и той же формѣ, готовой съ незапамятныхъ временъ, надѣвшею также не со вчерашняго дня... Мы предполагаемъ отъ времени до времени представлять произведенія англійскихъ драматурговъ разныхъ эпохъ, не связывая себя, впрочемъ, ни системою, ни опредѣленными сроками.

Эта комедія, пав, пожалуй, шутка, была написана Шериданомъ въ 1774 г., и написана *по случаю*, въ благодарность актеру Клинчу, которому авторъ, только-что начавшій свое драматическое поприще, былъ обязанъ успѣхомъ своего перваго сценическаго произведенія— комедіи «Соперники.» Мы надѣемся, что она также найдетъ мѣсто на

страницахъ «Пантеона.» При первомъ ея представленіи главную роль исполнялъ Клинчъ. Шеридану было тогда невступно двадцать-три года. (См. «Записки Томаса Мура о Шериданѣ»).

Переводчикъ просилъ насъ прибавить слѣдующее: онъ не придаетъ своему дѣлу ни малѣйшаго значенія, независимаго отъ оригинала, и принимаетъ на себя только отвѣтственность въ возможной вѣрности перевода.

Редакція.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЛЕЙТЕНАНТЪ ОКОННОРЪ.
ДОКТОРЪ РОЗИ.
СУДЬЯ КРЕДЮЛЕССЪ.
СЕРЖАНТЪ ТРАУНСЪ.
КАПРАЛЪ ФЛИНТЪ.

ЛОРЕТТА.
МИССИСЪ БРИДЖЕТЪ КРЕДЮЛЕССЪ.
НѢСКОЛЬКО СОЛДАТЪ.
ДВА КРЕСТЬЯНИНА.
СЛУГА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

І.

СЕРЖАНТЪ ТРАУНСЪ, КАПРАЛЪ ФЛИНТЪ и ЧЕТЫРЕ СОЛДАТА.

1-Й СОЛДАТЪ. Я говорю: это все не такъ; намъ надо говорить всѣмъ вмѣстѣ, каждому за себя и всѣмъ вдругъ, чтобъ лучше было слышно.

2-Й СОЛДАТЪ. Такъ, Джекъ; будемъ доказывать повзводно.

3-Й СОЛДАТЪ. Да, да; пусть его ужъ выслушаетъ наши претензіи залпомъ, а коли понадобится ораторъ, такъ тутъ ужъ — капралъ: опъ лейтенанту землякъ и знаетъ его нравъ.

КАПРАЛЪ. Ужъ тогда мое дѣло. Я три года сряду служилъ съ его честью въ королевскихъ войскахъ, и никогда не прійдется мнѣ увидѣть начальника добрѣе его и щедрѣе на деньги. Сегодня утромъ... смотри-те-ка, какой я ему въ шляпу воткнулъ плюмажъ, а отвѣчаю за него: будетъ носить, хоть тутъ...

4-Й СОЛДАТЪ (*перебиваетъ*). Я говорю — всѣ вы колпаки, точно молокососы изъ милиціи: въ каждомъ дѣлѣ главная вещь — дисциплина и

учить васъ кому-же, какъ не сержанту. Онъ на слова мастеръ; онъ тебѣ знаетъ всѣ ваши иностранные языки и фигуры, и что тамъ еще, гдѣ сосчитать или помѣтить. Ну-ка, сознайтесь, если нужно счетъ написать—кто-жъ кромѣ его?

КАПРАЛЪ. Что-жъ, сержантъ, конечно, ученый и вмѣетъ даръ чтенія.

СЕРЖАНТЪ. Солдаты! господа-товарищи! если вы меня выбираете за всѣхъ ораторомъ—то всего умѣе, дайте ужъ мнѣ одному и говорить. Я стану говорить громко, какъ барабанъ, и мѣтить прямо въ цѣль.

ВСѢ. Рѣшено, рѣшено!

КАПРАЛЪ. Фу! да вотъ и лейтенантъ. Ну, сержантъ...

СЕРЖАНТЪ. По мѣстамъ! слушаться! Лица чтобъ были недовольныя, а который-нибудь тутъ мурлычъ себѣ маршъ дезертира.

II.

ТѢ ЖЕ, ЛЕЙТЕНАНТЪ О КОВНОРЪ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Ну, ребята, на что вы жалуетесь?

СОЛДАТЫ. Гм! гм!...

СЕРЖАНТЪ. Доложить вашей чести дѣло вотъ какое: какъ стала наша честь ссориться съ судьей Кредюлессомъ, наши хозяева ужъ очень обидно съ нами поступаютъ. Клянусь моей алебардой, они такъ обходятся, что если бъ по душѣ и можно было спустить, такъ плоть не позволяеть. Такъ мы покорно просимъ вашу честь положить конецъ разомъ — убѣждать что-ли съ дочерью судьи, или дать намъ новыя квартиры...

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Вотъ что! Скажите-же, который домъ васъ худо содержать?

1-Й СОЛДАТЪ. Да вотъ Красный-Левъ: и на-половину нѣтъ той учтивости противъ стараго Краснаго-Льва.

2-Й СОЛДАТЪ. А Бѣлый-Конь-то, не зачерствѣй онъ, кажется, постыдился бы и лицо показать.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Хорошо. Конь и Левъ отвѣтять за это на окружныхъ засѣданіяхъ.

СЕРЖАНТЪ. Двѣ Сороки еще довольно учтивы, а ужъ Геній обходится съ нами точно съ чертями, а Восходящее Солнце такъ отказывается свѣтить, когда приходишь спать.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Коли такъ, даю вамъ слово, Восходящее Соляце посадятъ, а Генія заставятъ дать обезпеченіе въ добромъ обхожденіи. Но

вы-то... увѣрены-ли вы, что вы какъ-нибудь сами не путаете счетовъ съ ними?

КАПРАЛЪ. Никакимъ манеромъ, развѣ когда случится на кухнѣ бросить въ огонь патронъ, либо штиблету, или что-нибудь тамъ положить въ супъ, да ночью иногда Недъ * поиграетъ на барабанѣ на лѣстницѣ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. О, это все прекрасно! Но слушайте-жъ, ребята, у меня въ дешъ св. Патрика не ворчатъ: вотъ вамъ, возьмите и подѣлитесь между собою. Да помните: показать, что вы народъ съ головой, не пропить изъ этого полу-шиллингъ!

СЕРЖАНТЪ. Что тутъ! Солдатъ ни въ чемъ не любитъ хитрости: надо вышить за здоровье вашей чести.

ВСЪ. Ну, ее, хитрость! За его честь, во что бы то ни стало!

КАПРАЛЪ. Пойдемъ-же, ребята! да сперва пропарадирuemъ кругомъ рынка, въ честь короля Георга!

1-Й СОЛДАТЪ. Благодаримъ вашу честь. Идемъ. Его чести... и крѣвкому пиву... вѣчность!

(Всѣ, кромѣ лейтенанта, уходятъ).

III.

ЛЕЙТЕНАНТЪ, и сейчасъ-же, **ДОКТОРЪ.**

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Ступайте, беззаботныя головы!.. Но по чести, ужасно жестоко въ Англии, что бѣдняги едва имѣютъ хлѣбъ отъ той земли, въ защиту которой готовы умереть. *(Входитъ докторъ).* А, мой маленькій докторъ Рози, мой сокращенный Галенъ, что повязго?

ДОКТОРЪ. Все такъ же какъ и было, мой Александръ; судья неукротимъ: я опять пощупалъ его пульсъ на счетъ нашего дѣла, и, полагая, что его бѣшенство стало перемежаться, я ужъ собрался дать ему пріемъ добраго совѣта, да не пошло. Онъ говоритъ, что вы и ваши разбойники имѣете замыселъ на его жизнь, и клянется, что скорѣе согласится увидѣть свою дочь въ scarlatinѣ, чѣмъ въ объятіяхъ... солдата.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Ей-ей, армія ему чрезвычайно обязана! Стало быть, надо мнѣ сперва жениться, а потомъ спросить его согласія.

ДОКТОРЪ. Но тогда вопросъ о приданомъ—весьма сомнителенъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Ну, его, приданое! Тамъ будь что будетъ: въ простотѣ Лоретты столько красоты, такой чистой цвѣтъ разлить по ея прелестямъ...

* Уменьшительное отъ «Эдуардъ».

ДОКТОРЪ. Такъ, такъ. Вы за красоту, какъ создала ее природа—а? Никакой искусственной граціи, никакого косметическаго лоска, никакой искусственности—а?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Да, докторъ, вы совершенно правы: лондонскія дамы всегда казались мнѣ черезчуръ хороши; нотомъ онѣ такъ защищены, у нихъ такой окопъ обручей, съ такимъ брустверомъ изъ китоваго уса, что отъ него должна отскочить и пуля—куда ужъ стрѣламъ Купидона! На макушкѣ—башня на башнѣ, съ запасами скрытаго оружія, подъ названіемъ шпилекъ; а сверхъ всего уборъ изъ перьевъ, который сдѣлалъ—бы честь кавалеру Бони. Ей ей, я бы также охотно объявля мазонку, вооруженную съ ногъ до головы.

ДОКТОРЪ. Такъ, такъ, мой Александръ! Мой вкусъ—рѣшительно...

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Потомъ, докторъ, я хоть и уважаю въ женщинѣ скромность, но люблю видѣть ее лице. У этихъ знатныхъ амазонокъ, если иногда полночныя развлечения и оставляютъ имъ на столько крови, чтобъ произвести румянецъ, такъ нѣтъ мѣста на щекахъ, гдѣ показать его. Нѣтъ сомнѣнія, стыдливость—прекрасная вещь; но, по моему, нѣтъ ничего на свѣтѣ безстыднѣе вѣчной краски въ лицѣ.

ДОКТОРЪ. Мой вкусъ, мой вкусъ. Да, Лоретта не изъ такихъ. Ахъ! Я не могу взглянуть на нее, чтобъ не вспомнить о моей бѣдной, доброй женѣ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ (*въ сторону*). Признаюсь, плохія-же она возбуждаетъ воспоминанія... Теперь онъ пойдетъ меня допекать на счетъ этой старой вѣдьмы, которая, шесть лѣтъ тому назадъ, умерла.

ДОКТОРЪ. О бѣдная Долли! Я никогда ее больше не увижу. Чтô за рука для перевязки: жилки такъ сами, бывало, и просятся подъ ланцетъ. А кожа—гладкая и бѣлая, какъ фаянсовый горшокъ; ротъ круглый, какъ горлышко самой крошечной стекляночки, и ничѣмъ не больше; губки—розовое варенье, а ужъ зубы—не то, что ваши сван, боли, какъ хотять: толкнешь легонько—и выскочилъ. Я думаю, я повиыдергалъ съ десятокъ ее бѣдныхъ, дорогихъ жемчужинъ. (*Плачетъ*). А къ чему послужила ей красота? Смерть не разбираетъ.. Всякому надо умереть.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Ну, ужъ какъ онъ начнетъ свои разсужденія (*вынимаетъ табакерку*)...

ДОКТОРЪ. Хороша-ли, гадка-ли, крива или пряма, богата или бѣдна... плоть—травя... цвѣты вянуть!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Докторъ, понюхайте-ка, да утѣштесь.

ДОКТОРЪ. Правда, правда, мой другъ; горе не поможетъ; все къ лучшему. Но такая женщина—большая потеря, лейтенантъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Разумѣется, потому-что, безъ сомнѣнія, ея умственные совершенства равнялись ея красотѣ.

ДОКТОРЪ. Умственные совершенства! Она набила бы вамъ аллигатора, или посолила бы ящерицу, какъ пи одна аптекарская жена въ цѣломъ королевствѣ. Да что! Она разбирала рецепты и придумывала составы ничѣмъ не хуже меня; а ужъ что была за мастерица дѣлать искусственныя воды! Зельтерскую, бирмонтскую, пслингтонскую, желѣзную—пикто съ нею не равнялся; а ея ботескій и бристольскій псточники были лучше настоящихъ. Ахъ, бѣдная Долли! Она пала жертвою собственныхъ открытій.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Какъ это? скажите.

ДОКТОРЪ. Бѣдняжка! Болѣзнь ея произошла отъ рвенія, съ которымъ она испытывала одно усовершенствованіе въ Маріенбадской водѣ, посредствомъ примѣси рома и кислоты.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Да, спирты никогда не ладятъ съ водопійцами.

ДОКТОРЪ. Нѣтъ, нѣтъ, вы ошибаетесь. Ромъ ладилъ съ нею довольно хорошо; не ромъ убилъ ее, бѣдную: она умерла отъ водяной. Да, она исчезла, чтобъ ужъ больше не возвратиться, и не оставила никакого залога нашей любви. Хоть бы маленькаго мальчишку, который бы повисъ на шеѣ у папеньки. Да, да, всѣ мы смертны... рано-ли, поздно... плоть—тѣла... цвѣты вянуть.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Фу, ты чортъ! Опять!..

ДОКТОРЪ. Жизнь—тѣнь... свѣтъ—сцена: мы дѣйствуемъ часъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ (*подастъ таберку*). Докторъ!

ДОКТОРЪ. Правда, правда, мой другъ... да, глубокое горе не залечить этого. Все къ лучшему—а? не такъ-ли мой маленькій Александръ?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Ужъ конечно, аптекарю никогда не слѣдуетъ теряться. Слушайте, однако жъ: пора честному Семфри явиться къ судьѣ; это нашъ первый планъ.

ДОКТОРЪ. Такъ, такъ, будьте готовы: платье у меня въ домѣ, и я васъ такъ описалъ, что ему не терится, какъ-бы поскорѣе взять васъ къ себѣ: онъ клянется, что вы будете его тѣлохранителемъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Право? Я вамъ на-вѣки обязанъ, докторъ, и какъ только Лоретта будетъ моею, я постараюсь какъ можно скорѣе отслужить вамъ.

ДОКТОРЪ. Вотъ вы теперь опять напомнимъ мнѣ мою бѣдную жену.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Ахъ, пожалуйста, забудьте ее немножко: мы опоздаемъ.

ДОКТОРЪ. Бѣдная Долли!..

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Первый часъ!

ДОКТОРЪ. Безчеловѣчная водяная!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Судья будетъ ждать...

ДОКТОРЪ. Скошена по веснѣ!..

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Ради Бога, пойдите!..

ДОКТОРЪ. Да, плоть—трава...

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Фу, чортъ возьми!

ДОКТОРЪ. Мы все должны умереть...

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Докторъ!

ДОКТОРЪ. Король, лорды и простые... (*Лейтенантъ уводитъ его насильно*).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

IV.

ЛОРЕТТА и БРИДЖЕТЪ.

ЛОРЕТТА. Я все-таки скажу, мамá, офицеры—первые красавцы въ свѣтѣ, а лейтенантъ—первый красавецъ изъ всѣхъ офицеровъ.

БРИДЖЕТЪ. Стыдись, Лора, какъ ты это можешь говорить? Ужъ если тебѣ непременно надо военнаго, такъ чего-же лучше: лейтенантъ Плау, или капитанъ Гэнокъ, или майоръ Дрэ, пивоваръ, — все они твои поклонники; они хоть миролюбивые, самые добрые люди, а перья у нихъ такія же большія, и пунцовый цвѣтъ имъ такъ же присталъ, какъ настоящимъ военнымъ.

ЛОРЕТТА. Фв! Вы знаете, мамá, я не люблю офицеровъ изъ милиціи: куча пѣтуховъ со шпорами, паяцы — въ военныхъ костюмахъ, платье-то носить, а въ душѣ что! нѣтъ, мнѣ дайте смѣлаго, статнаго молодца: сегодня любить, а завтра ему снесутъ голову — прелесть!.. Подумаешь, какъ это они, миленькіе, спать на голой землѣ и дерутся въ шелковыхъ чулкахъ и кружевныхъ маншетахъ! Э, мамá, вы возстаєте противъ моего лейтенанта: я слышала, онъ говорилъ, что вы самая добрая, самая милая женщина въ свѣтѣ.

БРИДЖЕТЪ. Что-жь, душа моя, я никогда ни слова противъ того, что лейтенантъ прекрасно воспитанный и тонкаго ума молодой человѣкъ: это твой папа на него озлобленъ...

ЛОРЕТТА. Вотъ кузина Софи вышла-же за офицера.

БРИДЖЕТЪ. Да, Лора, за милиціоннаго.

ЛОРЕТТА. Право нѣтъ, мамá, за полковаго.

БРИДЖЕТЪ. Нѣтъ, дитя, говорю тебѣ: онъ майоръ въ милиціи.
ЛОРЕТТА. Право-же нѣтъ, мама; ну право... (*Входитъ судья*).

V.

ТЪ ЖЕ. СУДЬЯ.

СУДЬЯ. Бриджетъ, душа моя, я получилъ извѣстіе...

ЛОРЕТТА. Кузина Софи сама сказала...

СУДЬЯ. Я получилъ извѣстіе, душа...

БРИДЖЕТЪ. Не могла она этого сказать...

СУДЬЯ. Извѣстіе, говорю...

ЛОРЕТТА. Какъ-же онъ въ милиціи, когда его услали?

БРИДЖЕТЪ. Ужь, молчи пожалуйста.—Что ты, милый?

СУДЬЯ. Я получилъ извѣстіе отъ доктора Рози...

БРИДЖЕТЪ. Его услали?.. Онъ уѣхалъ по болѣзни.

СУДЬЯ. Послушай, Бриджетъ...

БРИДЖЕТЪ. Ну, мой другъ?.. молчите-же, миссъ!

СУДЬЯ. Извѣстіе отъ доктора Рози: докторъ Рози пишетъ...

ЛОРЕТТА. Я навѣрное знаю, мамѣ: его мундиръ...

СУДЬЯ. Провалился его мундиръ! Что-жь ты не слушаешь?

БРИДЖЕТЪ. Да, какъ ты смѣешь мѣшать отцу говорить?

ЛОРЕТТА. Ну, папѣ.

СУДЬЯ. Докторъ Рози пишетъ, что привезетъ...

ЛОРЕТТА. Голубой съ красными отворотами, мамѣ.

СУДЬЯ. Лори... Пишетъ, что молодой человѣкъ...

БРИДЖЕТЪ. Красный?.. желтый, если позволите, миссъ.

СУДЬЯ. Бриджетъ... молодой человѣкъ, котораго я хочу нанять...

БРИДЖЕТЪ. Кромѣ того, миссъ, вамъ очень не пристало хотѣть непременно переспорить мать; вамъ-бы надо знать...

СУДЬЯ. Да что вы, въ-самомъ-дѣлѣ? Будешь ты слушать меня, или нѣтъ?

БРИДЖЕТЪ. Слушаю, душа моя, слушаю... Но если я и замолчу, къ чему это поведетъ? эта дѣвчонка все таки будетъ перебивать и не дастъ никому вымолвить слова.

ЛОРЕТТА. Нѣтъ, я увѣрена, мамѣ, теперь вы не дадите папенькѣ говорить.

БРИДЖЕТЪ. Ахъ, ты жеманница гадкая!

СУДЬЯ. Ступайте сейчасъ вонъ изъ комнаты обѣ, вопъ!

БРИДЖЕТЪ. Слышишь, дѣвчонка.

СУДЬЯ. И, ты Бриджетъ: ты еще хуже ея—старая вѣдьма! Я-бы желалъ, чтобъ вы обѣ сидѣли по-шею въ каналѣ и спорили тамъ, покуда бы я васъ вытащилъ. (*Входитъ слуга*).

СЛУГА. Докторъ Розп, сэръ.

СУДЬЯ. Проси. (*Слуга уходитъ*).

ЛОРЕТТА. Такъ вы сознаетесь, мама, что онъ изъ дѣйствующаго полка?

БРИДЖЕТЪ. Ты глупая упряmica, я тебѣ скажу, потому-что, если бы это было такъ...

СУДЬЯ. Вы не намѣрены идти?

БРИДЖЕТЪ. Идемъ, старый ворчунъ... Если бъ это было такъ, то какъ могъ-бы...

ЛОРЕТТА. Да, мама, одно доказательство...

БРИДЖЕТЪ. Какъ-бы могъ маіоръ...

ЛОРЕТТА. И рѣшительное доказательство... (*Судья выгоняетъ обѣихъ*).

VI.

СУДЬЯ, и сейчасъ же ДОКТОРЪ.

СУДЬЯ. Ну, ушли!.. Шумъ съ утра до вечера. Боже милосердый! Бѣглый языкъ—единственная вещь, въ которой мать не любитъ чтобъ дочь была на нее похожа. (*Входитъ докторъ*). Ну, докторъ, гдѣ-жъ вашъ молодецъ? гдѣ вѣрный слуга?

ДОКТОРЪ. Онъ сію минуту будетъ, отвѣчаю, вы такого не встрѣчали никогда: храбръ какъ левъ, кротокъ, мягокъ какъ соляной растворъ.

СУДЬЯ. А! онъ поступаетъ на мѣсто бездѣльника, канала, котораго подкупилъ лейтенантъ. Здоровый дѣтина! докторъ.

ДОКТОРЪ. Какъ геркулесъ, и первый боецъ во всемъ околоткѣ. Дастъ онъ себя знать краснымъ-мундирамъ!

СУДЬЯ. Сегодня они парадировали мимо моего дома цѣлое утро. Я знаю, у нихъ есть замыселъ противъ меня; но я взялъ всѣ предосторожности: я приготовилъ оружія; а если и этотъ молодецъ окажется вѣрнымъ, я буду еще спокойнѣе.

ДОКТОРЪ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ вамъ очень полезенъ. (*Входитъ слуга*).

СЛУГА. Тутъ внизу, сэръ, кто-то спрашиваетъ доктора.

ДОКТОРЪ. Веди сюда.

СУДЬЯ. Стой! небольшую предосторожность: на кого онъ похожъ?

СЛУГА. Такъ, деревенскій паренъ.

СУДЬЯ. Видяте, докторъ, эти люди пробуютъ все средства, чтобъ забраться сюда.

СЛУГА. Да, осмѣлюсь доложить, сегодня утромъ кто-то хотѣлъ васъ видѣть: онъ назвался капраломъ Брекбонсомъ.

СУДЬЯ. Капралъ Брекбонсъ!

СЛУГА. Да, приходилъ опять барабанщикъ Крэкксенль.

СУДЬЯ. А? слышали вы когда про такую проклятую тайну? Ну, веди сюда молодца. (*Слуга уходитъ*).

ДОКТОРЪ. Этотъ будетъ вашимъ привратникомъ: онъ ужъ отвѣтитъ вашимъ врагамъ. (*Входитъ лейтенантъ въ роли Гёмфри*).

VII.

ТЪ ЖЕ, ЛЕЙТЕНАНТЪ.

СУДЬЯ. Да, здоровый... чортъ! что-жъ это! У него нѣтъ одного глаза.

ДОКТОРЪ. Ничего, синее пятно отъ удара, который онъ получилъ, изловивъ семь или восемь разбойниковъ.

СУДЬЯ. Косятся онъ что-то ужасно другимъ-то.

ДОКТОРЪ. О, нѣтъ; это такъ—стыдится...

СУДЬЯ. Ну, любезный, какъ тебя зовутъ?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Гёмфри, Гёмъ.

СУДЬЯ. Гм! Не люблю я это Гёмъ!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Меня больше зовутъ честнымъ Гёмфри.

ДОКТОРЪ. Видите, я вамъ говорилъ: извѣстной честности.

СУДЬЯ. Ну, честный Гёмфри, докторъ сказалъ тебѣ условія, согласенъ ты служить мнѣ—а?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Коли угодно вашей милости, я очень радъ.

СУДЬЯ. Такъ слушай, честный Гёмфри: ты ручаешься, что никогда не будешь плутомъ, никогда не дашь себя подкупить—а? честный Гёмфри.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Подкупить! Это что такое?

СУДЬЯ. Препростой малой, въ-самомъ-дѣлѣ!

ДОКТОРЪ. Его милость надѣется, что ты изъ-за денегъ не перестанешь быть честнымъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Нѣтъ, нѣтъ.

СУДЬЯ. Хорошо сказано, Гёмфри: твоя главная обязанность—на-

блюдать за движеніями самага... самага отъявленнаго бездѣльника, лейтенанта.

ДОКТОРЪ. Скажи, ты вѣдь не любишь военныхъ—а?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Не люблю; что въ нихъ? Вы увидите, она меня будутъ бояться, какъ своего капитана.

СУДЬЯ. Я вижу, Гёмфри, у тебя славная дубинка.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Все лучше съ прутикомъ, чѣмъ съ пустыми руками. По мнѣ-бы что-нибудь потолще; нѣтъ-ли у васъ въ домѣ эдакой вещицы—старого дышла, или попки отъ кровати?

СУДЬЯ. Фу, пропасть! Вотъ горячъ-то! Ладно, Гёмфри, пойдемъ со мною. Я, докторъ, хочу его показать Бриджетъ, и мы тамъ съ нимъ сдѣлаемся. Пойдемъ-же, честный Гёмфри. (*Уходитъ*).

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Любезный докторъ, не забудьте-же теперь увести судью гулять: я хочу сразу войти къ нему въ довѣренность.

ДОКТОРЪ. Хорошо, хорошо. (*Подаютъ другъ другу руки; судья возвращается и видитъ это*).

СУДЬЯ. Что-жъ это, честный Гёмфри—а? Что это ты тутъ дѣлаешь?

ДОКТОРЪ. Я ему давалъ небольшой совѣтъ. Ну, мнѣ теперь надо идти. Желаю вамъ добраго здоровья. Вамъ нечего бояться лейтенанта, покуда онъ у васъ въ домѣ.

СУДЬЯ. Такъ пдемъ-же, Гёмфри. До свиданія, докторъ. (*Докторъ уходитъ*). Ступай за мною, Гёмфри. Теперь, я, кажется, доросъ до лейтенанта, и со всей его шайкой (*уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

I.

СЕРЖАНТЪ, БАРАБАНЩИКЪ и СОЛДАТЫ.

СЕРЖАНТЪ. Ну, полно ужъ бить! Сегодня не изъ чего храбриться... Я думалъ, что намъ удастся нынче завербовать хоть одного или двухъ рекрутовъ.

СОЛДАТЪ. Сержантъ, гляди. (*Входятъ два крестьянина*).

II.

ТЪ ЖЕ И ДВА КРЕСТЬЯНИНА.

СЕРЖАНТЪ. О, вотъ они молодцы—то, до которыхъ я добирался: настоящіе дворяне! Что вы, одинокіе, друзья?

1-Й КРЕСТЬЯНИНЪ. Одинокіе; и позвольте сказать, я совсѣмъ одинокій: родня вся вымерла. У меня на свѣтѣ всего одна бѣдная мать, да и та совсѣмъ безпомощная женщина.

СЕРЖАНТЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ! Самый необыкновенный случай; стало, ты самъ себѣ господишъ, и тѣмъ способнѣе служить его величеству. Читать умѣешь?

1-Й КРЕСТЬЯНИНЪ. Нѣтъ, я всегда былъ такой веселый, что не до ученья тутъ. А вотъ Джонъ, тотъ на это мастеръ.

СЕРЖАНТЪ. Вотъ, такъ ты ученый, пріятель?

2-Й КРЕСТЬЯНИНЪ. Такимъ ужъ родился, господишъ. Отецъ держалъ латинскую школу.

СЕРЖАНТЪ. Счастливецъ! Послѣ одной или двухъ кампаній—ты полковой каптанъ. И вѣрно вѣдъ читалъ про воиновъ и героевъ?

2-Й КРЕСТЬЯНИНЪ. Какъ-же, читалъ: читалъ я про Джека, что убивалъ великановъ, и про Унтійскаго Дракона, и про... должно-быть, и все тутъ, про героевъ-то, кромѣ того еще о кометѣ.

СЕРЖАНТЪ. Удивительныя познанія! Ну, мои герои, я напишу словечко королю о вашихъ прекрасныхъ намѣреніяхъ, и, этакъ, черезъ полчаса, отыщите меня у Двухъ-Сорокъ.

ОБА КРЕСТЬЯНИНА. Будемъ, ваша честь, будемъ.

СЕРЖАНТЪ. Постойте; чтобъ мнѣ опять какъ-нибудь не затерять васъ въ толпѣ, приколите-ка вы вотъ эти ленточки къ шляпамъ.

1-Й КРЕСТЬЯНИНЪ. Шляпы-то у насъ плоховаты.

СЕРЖАНТЪ. Приходите уже къ Сорокамъ: я вамъ дамъ денегъ на новыя.

ОБА КРЕСТЬЯНИНА. Дай Богъ здоровья вашей чести, много благодарны. *(Уходятъ)*.

СЕРЖАНТЪ *(дѣлаетъ знакъ солдатамъ)*. Джанъ! *(Солдаты уходятъ. Входитъ лейтенантъ, въ костюмъ Гѣмфри)*.

III.

СЕРЖАНТЪ И ЛЕЙТЕНАНТЪ.

СЕРЖАНТЪ. Вотъ молодець-то: изъ этого-бы вышелъ гранадеръ. Стой, пріятель; хочешь записаться?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Подъ чьей командой я буду служить?

СЕРЖАНТЪ. Подъ моей, ужь конечно.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. А лейтенантъ не начальникъ вашъ?

СЕРЖАНТЪ. Начальникъ; а я надъ нимъ начальникъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Какъ! стало, у васъ сержанты старше капитановъ?

СЕРЖАНТЪ. Разумѣется, мы старше: наше дѣло держать ихъ въ порядкѣ. Вотъ, хотъ-бы теперь, генералъ пишетъ мнѣ: любезный сержантъ, или любезный Траунсъ, или любезный сержантъ Траунсъ, глядя тамъ по спѣху, если, говорить, лейтенантъ ведетъ себя не такъ, какъ слѣдуетъ, дай мнѣ знать. Твой генералъ Делюжь.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. И часто вы на него жалуетесь?

СЕРЖАНТЪ. Нѣтъ, чтобъ его: малый овъ по душѣ добрый, такъ я и спускаю пустяки. Но ужь, между нами сказать, чортъ знаетъ, что за волокита! (*Входитъ капралъ.*)

IV.

ТЪ ЖЕ. КАПРАЛЪ и два СОЛДАТА.

КАПРАЛЪ. Докторъ идетъ сюда съ судьей. Мы всѣ готовы, и роли разучены.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Такъ ужь ты, любезный Траунсъ, или любезный сержантъ, или любезный сержантъ Траунсъ, теперь убирайся.

СЕРЖАНТЪ. Фу ты дьявольщина! Лейтенантъ... Ой! плохо! (*Уходитъ. Входятъ судья и докторъ.*)

V.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. КАПРАЛЪ и два СОЛДАТА поодаль, СУДЬЯ, ДОКТОРЪ.

СУДЬЯ. А мнѣ показалось, что я тутъ видѣлъ кое-кого изъ этихъ головорѣзовъ.

ДОКТОРЪ. Не думаю; тутъ -никого нѣтъ, кромѣ честнаго Гѣмфри... А, чортъ возьми, вотъ они идутъ! Станемте за эти деревья, дадите имъ пройти.

СУДЬЯ. Хорошо, я согласенъ! (*Отходятъ съ докторомъ въ сторону; капралъ и два солдата приближаются.*)

КАПРАЛЪ. Эй, пріятель! ты въ услуженіи у судьи Кредголѣсса?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Да.

КАПРАЛЪ. Ты богатъ?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Нѣтъ.

КАПРАЛЪ. Да и не будешь никогда у паршиваго старичишки? Вотъ тебѣ, возьми! (*Даетъ ему кошелекъ.*)

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Что-жъ я за это долженъ дѣлать?

КАПРАЛЪ. Слушай: нашъ лейтенантъ влюбленъ въ дочь стараго мошенника: помоги намъ поломать ноги его чести и увезти дочку, и будешь молодецъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Я скорѣе увижу васъ на висѣльницѣ, бездѣляники вы проклятые. (*Бросаетъ кошелекъ.*)

КАПРАЛЪ. Какъ! ломаешься? Держите его!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Давай-ка, я попробую ваше оружіе на васъ. (*Бьетъ ихъ.*)

КАПРАЛЪ и СОЛДАТЫ. Ой-ой! Прости... виноваты. (*Уходятъ.*)

VI.

ТѢ ЖЕ, безъ **КАПРАЛА** и двухъ **СОЛДАТЪ.**

СУДЬЯ. Порр ихъ! Хватай ихъ! Ломай имъ ноги, честный Гёмфри. Что за духъ у него!

ДОКТОРЪ. Aqua fortis.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Продай своего господина!

ДОКТОРЪ. Что за чудо вѣрности!

СУДЬЯ. Да и оно не останется вознагражденнымъ: я ему сію минуту далъ шесть непсовъ. Вотъ, честный Гёмфри, вотъ это тебѣ.. Что касается до этого подкупа (*поднимаетъ кошелекъ*) этой дрянни приличное мѣсто въ рукахъ судьи. Теперь, докторъ, кажется, я могу повѣрить ему охраненіе женщинъ: покуда онъ будетъ при нихъ, я думаю, мнѣ можно спокойно отлучаться.

ДОКТОРЪ. Можно, безъ сомнѣнія; я готовъ отвѣчать за образъ дѣйствій лейтенанта, покуда честный Гёмфри будетъ при вашей дочерп.

СУДЬЯ. Да, да, такъ она теперь нигуда безъ него. Ступай за мной, честный Гёмфри. Какъ рѣдко попадаютъ такіе слуги! (*Уходитъ.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

с а д ѣ .

VII.

СУДЬЯ и ЛЕЙТЕНАНТЪ: **КОРЕТТА,** при перемѣнѣ на сценѣ

СУДЬЯ. Ахъ, негодница ты этакая! Какъ ты смѣешь такъ далеко отходить отъ дома, безъ моего позволенія? Хочется тебѣ вызвать

сорванца этого, лейтенанта на то, чтобъ онъ перелѣзъ черезъ стѣну и увезъ тебя?

ЛОРЕТТА. Э, панá, вы такъ боятесь пустяковъ.

СУДЬЯ. Какъ, дѣвчонка!

ЛОРЕТТА. Коли такъ, у меня недостаетъ терпѣнья сидѣть цѣлый день въ заперти. Право, довольно и довести до того, что желаешь убѣжать съ... а я бы хотѣла убѣжать... да, хотѣла бы, и хотѣла бы, чтобъ лейтенантъ это зналъ.

СУДЬЯ. Хотѣла бы, негодная? Такъ, стой же: я о тебѣ позабочусь. Вотъ, Гёмфри, оставляю эту дѣвчонку на твое попеченіе. Теперь вы можете порхать по саду, моя пташечка, но Гёмфри пойдетъ съ вами, куда-бы вы ни пошли. Такъ помни, честный Гёмфри: мнѣ надо отлучиться не надолго, а ты ужъ никого, кромѣ себя, и не подпускай близко; не стыдись, болванъ этакой, держись за нее крѣпче. Теперь, миссъ, пусть вашъ лейтенантъ или кто-нибудь изъ его шайки подойдетъ къ вамъ, если можетъ. (*Уходитъ.*)

VIII.

ЛЕЙТЕНАНТЪ, ЛОРЕТТА.

ЛОРЕТТА. Какъ этотъ дуракъ выдушилъ на него глаза! (*Садится и поетъ.*)

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Лоретта!

ЛОРЕТТА. Не вольничай! (*Поетъ.*)

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Лоретта! Взгляни на меня.

ЛОРЕТТА. Не вольничай, мужикъ!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Не поминишь?

ЛОРЕТТА. Смирно, честный Гёмфри.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Ты забыла своего вѣрнаго солдата?

ЛОРЕТТА. Ахъ! Боже мой!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Это я, моя жизнь, твой вѣрнѣйшій рабъ, котораго не узналъ твой отецъ въ этомъ костюмѣ.

ЛОРЕТТА. О, это восхитительно! Ты такъ обезображенъ, мой милый лейтенантъ, и удивительно-отвратителенъ. Я увѣрена, никто тебя не узнаетъ, ха-ха-ха! Ты знаешь, я подъ твоимъ покровительствомъ. Отецъ велѣлъ тебѣ крѣпче держаться за меня.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Правда, мой другъ: давай-же, исполнимъ...

ЛОРЕТТА. Пожалуйста, любезный Гёмфри...

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Да вѣдь велѣлъ-же старый судья. (*Хочетъ поцѣловать ее; входитъ судья.*)

IX.

ТЪ ЖЕ, СУДЬЯ.

СУДЬЯ. Лори, моя... Э! что это, чортъ возьми!

ЛОРЕТТА. Что? одинъ поцѣлуй, успокойтесь.

СУДЬЯ. Твой покорнѣйшій слуга, честный Гёмфри. Не церемонься... пожалуйста, чтобъ я тебѣ не мѣшалъ!

ЛОРЕТТА. Фи, папа! Что тутъ такого... право, какой тутъ вредъ? У тебя вѣдь не было на умѣ грубости--а? Гёмфри.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Право, нѣтъ, миссъ, ихъ малость знаютъ, что это не мое дѣло.

СУДЬЯ. Я знаю, что ты лгунъ, лицемеръ и мошенникъ, и если ты не уберешься у меня съ глазъ долой...

ЛОРЕТТА. Папа, я вамъ скажу, какъ это было. У меня вдругъ закружилась голова, и Гёмфри, видя, что я зашаталась, подбѣжалъ мнѣ на помощь—испугался ужасно, бѣдняжка, и взялъ меня на руки.

СУДЬЯ. О, такъ только-то: маленькое головокруженіе и ничего больше?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Только всего, ваша честь: увидѣвъ, что миссъ измѣнилась въ лицѣ, я бросился къ ней.

СУДЬЯ. Это съ твоей стороны очень учтиво.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. И, къ-счастью, вылечилъ ее.

СУДЬЯ. А кто тебя сдѣлалъ докторомъ, безстыдная тварь, а? Съ глазъ долой, говорю тебѣ, сію минуту, или всемп законами...

ЛОРЕТТА. О, папа, вы меня пугаете... У меня опять кружится голова... Помогите!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Милая леди!.. Она упадетъ. (*Обхватываетъ ее обими руками.*)

СУДЬЯ. Каково! въ моемъ присутствіи... о чудо дерзости! (*Бросается на него и узнаетъ.*) Боже великій! Кто-жъ это такое?.. Рѣжутъ! Грабятъ! Пожаръ! Наспліе! Порохъ! Джонъ! Сюзенъ! Бриджетъ!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Добрый сэръ, не пугайтесь: я не желаю вамъ вреда...

СУДЬЯ, Воры! разбойники!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Вы знаете мою любовь къ вашей дочери...

СУДЬЯ. Огонь! головорѣзы!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Только это...

СУДЬЯ. Измѣна! Порохъ! (*Входитъ слуга съ мушкетонами.*) Ну, разбойникъ! Сейчасъ-же пусти ее!

ЛОРЕТТА. О папа, вы меня убьете!

СУДЬЯ. Честный Гёмфри, совѣтую... Идите, миссъ, слышите!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Сэръ, да выслушайте меня.

СУДЬЯ. Я выстрѣлю.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. И вы убедитесь...

СУДЬЯ. Выстрѣлю.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Какъ несправедливо!..

СУДЬЯ. Стрѣляю... и вашъ покорнѣйшій слуга, честный Гёмфри.
(Уходятъ всѣ порознь.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

ГУЛБЕИЩЕ.

X.

ДОКТОРЪ.

ДОКТОРЪ. Я думаю, пріятель мой теперь на хорошей дорогѣ къ успѣху... Бьюсь объ закладъ, онъ теперь полонъ надежды и страха, сомнѣнія и тревоги... Да, любовная лихорадка сильно его одолѣла: день цѣлый мучится, грустенъ, задумчивъ; ночи безъ сна, въ жару... О! точь-въ-точь какъ я, когда я терзался за мою бѣдную, добрую Долли!.. когда, бывало, начнутся ея ежедневныя коляки и надо посылать за ея миленькимъ докторомъ... Какъ мнѣ тогда хотѣлось понять языкъ ея пульса, изъяснить мои собственныя страданія въ рецептѣ для нея, поднести ей жемчужную нитку въ пилюльной коробочкѣ, или мякстурю съ акростихомъ на сигнатуркѣ! Да, это время прошло; нѣтъ прочнаго счатья: все суета; то солнце свѣтитъ, то тучи... мы, такъ сказать, всѣ... богачи и нищія... Что значить (Входитъ лейтенантъ)...

XI.

ДОКТОРЪ, ЛЕЙТЕНАНТЪ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Докторъ! конечно, и все пропало!

ДОКТОРЪ. Гордость красоты...

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Я узналъ, и...

ДОКТОРЪ. Волшебный замокъ...

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Судья...

ДОКТОРЪ. Великолѣпный парикъ...

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Бѣсится болѣе чѣмъ когда-нибудь.

ДОКТОРЪ. Позолоченная трость...

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Докторъ! (Бьетъ его по плечу.)

ДОКТОРЪ. А!!.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Я вамъ говорю: я изгнанъ, изгнанъ и въ отчаяніи.

ДОКТОРЪ. Право! Боже мой, Боже мой! Вотъ, подумаешь, непрочность дѣлъ человѣческихъ... Нѣтъ ничего вѣрнаго на свѣтѣ... тѣмъ больше обманываешься, чѣмъ больше довѣряешь.. шуты фортуны—всѣ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Мой добрый докторъ, мнѣ теперь нужно неможно практической мудрости... Я рѣшился сию минуту испытать то средство, которое мы думали привести въ исполненіе на прошедшей недѣлѣ: письмо у меня готово и только нужна помощь, чтобъ опять завоевать поле сраженія.

ДОКТОРЪ. Я готовъ отъ всей души: обещаю вамъ взять на себя роль; но какимъ чортомъ васъ узнали?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Дорогой разскажу: нельзя терять ни минуты.

ДОКТОРЪ. Дай Богъ, чтобъ было удачнѣе... но почему знать...

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Конечно.

ДОКТОРЪ. Можетъ удастся, можетъ и не удастся.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Разумѣется.

ДОКТОРЪ. Время покажетъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Безъ сомнѣнія.

ДОКТОРЪ. Мы вѣдь не болѣе какъ слѣпыя угадчики.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Ничуть не болѣе.

ДОКТОРЪ. Близорукіе смертные.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Замѣчательно—вѣрно.

ДОКТОРЪ. Бродимъ въ заблужденіи.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Совершенно такъ.

ДОКТОРЪ. Будущее—темно.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Какъ погребъ.

ЛОКТОРЪ. Люди—кроты. (Лейтенантъ тащитъ его вонъ.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДОМЪ СУДЬИ.

ХІІ.

СУДЬЯ и БРИДЖЕТЪ.

СУДЬЯ. Фу пропасть! Бриджетъ, ты человѣка съ ума сведешь! Я тебѣ говорю: онъ надулъ бы самого верховнаго судью. Собака! казался невиненъ какъ мой писарь, — а о честности говорилъ много.

БРИДЖЕТЪ. Тебѣ—то, скажи на милость, какъ пришла въ голову честность? Славное дѣльцо ты изъ нея сдѣлалъ съ твоимъ Гёмфри; да и она—то тоже: она, вѣрно, была предупреждена.

Лоретта — ты хотѣлъ такъ назвать ее: я, признаюсь, никогда не видала добра отъ этихъ языческихъ именъ; назови ты ее Деборой, Табитой, Ребеккой, или Тосанной, ничего-бы этого не случилось; я я всегда знала, что Лоретта—это ужъ такое имя, что надо убѣ-жать.

СУДЬЯ. Дура ты!

БРИДЖЕТЪ. Нѣтъ, мистръ Кредголессъ, ты дуракъ, в только такого простака и можно было такъ обмануть.

СУДЬЯ. Что! Какъ вы смѣете это говорить? Если вы не имѣете уваженія къ вашему супругу, такъ я думаю, мое званіе должно бы внушить...

БРИДЖЕТЪ. Не говори миѣ... смычокъ этакой! Ты бы стыдился гла-за-то казать на засѣданіе: надъ тобой будетъ смѣяться весь судъ, будутъ трунить всѣ ваши прокуроры съ кошельками у парика, со всего города.

СУДЬЯ. Это ты говоришь представителю закона? (*Входитъ слуга.*)

СЛУГА. Письмо къ вашей милости.

СУДЬЯ. Кто принесъ?

СЛУГА. Солдатъ.

СУДЬЯ. Возьми и сожги.

БРИДЖЕТЪ. Стой... Вотъ ты и заторопился... Какое-нибудь гнусное маранье отъ лейтенанта, я думаю. Дай-ка, я посмотрю. А! подписано: о'Конноръ.

СУДЬЯ. Ну, читай ужъ все. (*Слуга уходитъ.*)

БРИДЖЕТЪ. (*читаетъ*).—«Мщенію сладко».

СУДЬЯ. Такъ и начинается—а? такъ? Я очень радъ; я ему покажу, собакъ, что я съ нимъ одного мнѣнія.

БРИДЖЕТЪ (*продолжаетъ читать*). «И хотя планы мои на вашу дочь не удались, все-таки миѣ оставлено утѣшеніе въ увѣренности, что я отомщенъ въ лицѣ ея изверга-отца: ибо сегодня утромъ въ шоколадѣ я имѣлъ удовольствіе дать вамъ приемъ яда»... Вотъ тебѣ разъ!

СУДЬЯ. Что за шутки, Бриджетъ! ты знаешь, этого вѣдь не было; ты знаешь, это ложь.

БРИДЖЕТЪ. Читай самъ.

СУДЬЯ (*читаетъ*). «Удовольствіе дать вамъ приемъ яда!»—(*Говоритъ*). О, ужас!.. Головорѣзъ проклятый!.. Бриджетъ!

БРИДЖЕТЪ. Стой, душенька; тутъ приписка. (*Читаетъ*). «NB. Не во власти медицины спасти васъ».

СУДЬЯ. Боже мой, Бриджетъ! Что-жъ ты не зовешь помощи! Я потерялъ голосъ... голова кружится.. Тутъ лопнешь—и не помогутъ! Джонъ! Лора! Джонъ!

БРИДЖЕТЪ. Видишь, душенька, что ты на себя накликать! (*Входитъ слуга*).

СЛУГА. Ваша милость...

СУДЬЯ. Стой, Джонъ, замѣтилъ ты сегодня утромъ что-нибудь въ моей чашкѣ—въ шоколадѣ?

СЛУГА. Ничего, развѣ немножко гуши.

СУДЬЯ. Какого цвѣта?

СЛУГА. Черноватая...

СУДЬЯ. Такъ; мышьякъ, черный мышьякъ. Что-жъ ты не бѣжишь за докторомъ Рози? Подлецъ ты!

СЛУГА. Теперь, сэръ?

БРИДЖЕТЪ. Э, мой другъ, повѣрь, это бесполезно: пусть лучше бѣжить за маклеромъ, чтобъ засвидѣтельствовать твою послѣднюю волю, жизнь моя.

СУДЬЯ. Фу чортъ! Иди за докторомъ, животное. Да вы тутъ всё сговорились, убійцы!

СЛУГА. Вотъ онъ, сэръ. (*Уходитъ*).

СУДЬЯ. Молчи, Бриджетъ; посмотримъ, видно-ли мое ужасное положеніе? (*Входитъ докторъ Рози.*)

XIII.

ТЪ ЖЕ. ДОКТОРЪ.

ДОКТОРЪ. Я только зашелъ узнать.. Э! Господи, что это съ вами?

СУДЬЯ. Вотъ увидѣлъ ядъ на лицѣ, въ головѣ. Да, да, вѣрное дѣло для могильщиковъ.

БРИДЖЕТЪ. О, о! увы, докторъ!

СУДЬЯ. Смирно, Бриджетъ. Докторъ, старый, добрый другъ мой, вы точно видите во мнѣ перемѣну?

ДОКТОРЪ. Перемѣну? Никогда челоуѣкъ такъ не измѣнился: откуда у васъ эти черныя пятна на носу?..

СУДЬЯ. Пятна на носу?

ДОКТОРЪ. И страшная неподвижность праваго глаза?

СУДЬЯ. Праваго глаза!..

ДОКТОРЪ. Да, да, и, Боже мой, какъ вы распухли!

СУДЬЯ. Распухъ!..

ДОКТОРЪ. Да; какъ вы думаете, мистрисъ Кредюлессъ?

БРИДЖЕТЪ. О, напрасно скрывать это: право, душенька, ты вдвое толще, нежели былъ сегодня утромъ.

СУДЬЯ. Да, теперь чувствую... Я отравленъ... Докторъ, спасите меня, ради справедливости. Дайте мнѣ жизнь, чтобъ я могъ увидѣть убійцу моего повѣшеннымъ.

ДОКТОРЪ. Что?

СУДЬЯ. Я отравленъ, говорю.

ДОКТОРЪ. Говорите громче.

СУДЬЯ. Какъ! развѣ вы меня не слышите?

ДОКТОРЪ. Вашъ голосъ до того тихъ и хриплъ, что я рѣшительно не слышу ни слова.

СУДЬЯ. Пропалъ я, значить. Здѣсь лежитъ одинъ изъ многолѣтнихъ судей, его величества?

БРИДЖЕТЪ. Читайте, докторъ. Ахъ, другъ мой, а послѣдняя ваша: ты забываешь, какъ ты скоро умрешь.

СУДЬЯ. Нѣтъ, Бриджетъ, я умру повнемножку.

ДОКТОРЪ. Неслыханная несправедливость! О, вы дѣйствительно пропали, мой другъ; срокъ залога вашего клочка землѣ вышелъ и остается только могильщику завершить дѣло. Всѣ мы должны отправляться... рано-ли, поздно... большіе и малые. Смерть—долгъ: ея взысканіе всѣхъ связываетъ равно... Тутъ нѣтъ ни обезпеченій, ни споровъ.

СУДЬЯ. Молчать, зловѣщій докторъ! Вылечите вы меня, или не вылечите?

ДОКТОРЪ. Увы! добрый другъ мой, это не въ моей власти, но я, конечно, употреблю всѣ средства, чтобъ надъ вашимъ убійцею исполнилось правосудіе.

СУДЬЯ. Благодарю васъ, мой добрый другъ; я охотнѣе бы самъ на это посмотрѣлъ.

ДОКТОРЪ. Да, но если вы выздоровите, злодѣй спасенъ.

БРИДЖЕТЪ. Неужели? Такъ въ-самомъ-дѣлѣ, жалко, еслибъ ты выздоровѣлъ. Я до того озлоблена на бездѣльника, и не могу перенести мысли, что онъ уйдетъ отъ веревки.

СУДЬЯ. Это съ твоей стороны очень любезно, моя милая; но если тебѣ все равно, я все-таки охотно-бы выздоровѣлъ, несмотря на это. Что-жъ, докторъ, нѣтъ спасенья?

ДОКТОРЪ. Ей-ей, я ничего не могу сдѣлать; а есть вѣдь, тутъ этотъ нѣмецъ-шарлатанъ, котораго вы еще хотѣли выслать изъ города: я его встрѣтилъ рядомъ съ вашимъ домомъ; у него, я знаю, есть antidotes противъ всѣхъ ядовъ.

СУДЬЯ. Сходите за нимъ, мой другъ, бѣгите за нимъ: я ему дамъ дипломъ, если онъ меня вылечитъ.

ДОКТОРЪ. Хорошо: времени терять нельзя; вы продолжаете пухнуть пенимовѣрно. (*Уходитъ.*)

БРИДЖЕТЪ. Какъ, мой другъ, ты рѣшаешься лечиться у какого-нибудь знахаря? По-моему, я тебя такъ люблю, что я скорѣе готова лечь съ тобой въ могилу, нежели видѣть, что ты обязанъ жизнью не образованному врачу.

СУДЬЯ. Я чувствую вполне твою привязанность, моя безцѣнная. Будь увѣрена, въ моемъ грустномъ положеніи ничто такъ не утѣшаетъ меня, какъ мысль, что я тебя оставляю. (*Входитъ докторъ и лейтенантъ, въ костюмъ шарлатана.*)

XIV.

СУДЬЯ. БРИДЖЕТЪ. ДОКТОРЪ. ЛЕЙТЕНАНТЪ.

ДОКТОРЪ. Вотъ счастье: встрѣтилъ его у дверей!

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Metto donsei pulsum.

ДОКТОРЪ. Онъ хочетъ, чтобъ я пощупалъ у васъ пульсъ.

СУДЬЯ. Не говоритъ онъ по-англійски?

ДОКТОРЪ. Ни слова.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Padio vivem mortem soonem.

ДОКТОРЪ. Говоритъ, что вамъ и шести часовъ не прожить.

СУДЬЯ. Боже мой! Знаетъ онъ о моемъ несчастіи?

ДОКТОРЪ. Не думаю.

СУДЬЯ. Скажите ему, что мнѣ дали чернаго мышьяка.

ДОКТОРЪ. Geneable illi arsnecca.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Pisonatus.

СУДЬЯ. Что онъ говоритъ?

ДОКТОРЪ. Говоритъ, что вы отравлены.

СУДЬЯ. Это мы знаемъ, но какое будетъ дѣйствіе?

ДОКТОРЪ. Quid effectum.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Diable tuvellum.

ДОКТОРЪ. Онъ говоритъ, что вы сейчасъ умрете.

СУДЬЯ. О ужасъ! Какъ, и нѣтъ противодѣйствія?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Sigum benakere bono fullum.

СУДЬЯ. Онъ, кажется, говоритъ, что мнѣ надо вѣхать на лодкѣ въ Фѣлигеми.

ДОКТОРЪ. Говоритъ, что берется васъ вылечить за три тысячи фунтовъ стерлинговъ.

БРИДЖЕТЪ. Три тысячи фунтовъ стерлинговъ! Три тысячи веревочъ!

Нѣтъ, другъ мой, не поддавайся такому обману: умри вдругъ, не давай ни которому изъ нихъ себя дурачить.

СУДЬЯ. Не хочу я умирать, Бриджетъ: я не люблю смерти.

БРИДЖЕТЪ. Э! что тутъ такого: ничего, — мнута и кончено.

СУДЬЯ. Да, но послѣ.

БРИДЖЕТЪ. Другъ мой, подумай-же о послѣдней волѣ. (*Входитъ Лоретта.*)

XV.

ТЪ ЖЕ И ЛОРЕТТА.

ЛОРЕТТА. Батюшка, что я слышу?

ЛЕЙТЕНАНТЬ. Quiddam se omnia deos tollam rosom.

ДОКТОРЪ. Восторгъ!.. восхищается при видѣ вашей прекрасной дочери.

СУДЬЯ. Какъ?

ЛЕЙТЕНАНТЬ. Damsellum livivum suvum ristibanib.

ДОКТОРЪ. Опъ говоритъ, что плѣненъ ею совершенно; и если вы позволите ему объяснить свои чувства молодой леди и общаете ваше согласіе на бракъ, коли онъ сѣмѣетъ снискать ея привязанность, такъ на этихъ условіяхъ онъ васъ сію минуту вылечитъ, безъ вознагражденія на благодарность.

СУДЬЯ. Чортъ возьми! И онъ все это сказалъ въ этихъ немногихъ словахъ? Что за удивительный языкъ! Хорошо, я согласенъ, если опъ поладитъ съ пею (*въ сторону*). А этого, я увѣренъ, никогда не будетъ.

ДОКТОРЪ. Greal.

ЛЕЙТЕНАНТЬ. Whrittum bothum.

ДОКТОРЪ. Онъ говоритъ, чтобъ вы въ этомъ дали ему расписку, а онъ покуда пропишетъ вамъ рецептъ. (*Оба садятся и пьютъ*).

ЛОРЕТТА. Мама, скажите-же мнѣ, что тутъ дѣлается?

БРИДЖЕТЪ. Не говори ужъ, пожалуйста!.. Извергъ отецъ!..

СУДЬЯ. Вотъ, докторъ: вотъ чего онъ требуетъ.

ДОКТОРЪ. А вотъ вамъ рецептъ: читайте сами.

СУДЬЯ. Э! что-жъ это? Чисто по-англійски!

ДОКТОРЪ. Читайте: диковинный секретъ, ручаюсь вамъ.

СУДЬЯ (*читаетъ*). «Читая это, вы вылечены вашимъ нѣжнымъ зятемъ О'Коиноромъ». (*Говоритъ*). Кто вы такой?

ЛЕЙТЕНАНТЬ. Вашъ нѣжный зять О'Коиноръ, и вашъ покорнѣйшій слуга Гемфри Гемъ.

СУДЬЯ. Лжешь ты, собака, ты не зять мой, потому-что я опять

буду отравленъ, а тебя повѣсятъ. Я умру, и оставляю мое состояніе Бриджетъ.

БРИДЖЕТЪ. Да, пожалуйста, мой другъ, оставь мнѣ свое состояніе: онъ ужъ конечно стоитъ быть повѣшенъ

СУДЬЯ. Стоптъ, ты говоришь? Слушай, Бриджетъ, ты показала столько нѣжнаго участія ко мнѣ, когда думала, что я отравленъ, что на будущее время я рѣшился ни въ чемъ не принимать твоего совѣта. А вы, сэръ, скажите: вы ирландецъ и солдатъ—такъ?

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Да, сэръ, и горжусь и тѣмъ и другимъ.

СУДЬЯ. Такъ я вамъ вотъ что скажу: откажитесь отъ своей родины, продайте свой чинъ, и я прощу васъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. Слушайте, господинъ судья, не будьте вы отецъ моей Лоретты, я-бы васъ за носъ оттаскалъ за первое и поломалъ-бы вамъ ноги за желаніе втораго.

ДОКТОРЪ. Да, да, вы правы.

СУДЬЯ. Правъ отецъ? Такъ я, стало, долженъ быть не правъ. Ну, сэръ, я отдаю вамъ мою дочь, безстыднѣйшей собакѣ, которую я когда-нибудь видѣлъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ. О, сэръ, говорите что вамъ угодно; съ такой придачей какъ Лоретта, всякое слово—комплиментъ.

БРИДЖЕТЪ. Ну, душа моя, я думаю, это будетъ для насъ прекраснымъ предлогомъ къ ссорѣ на всю жизнь.

СУДЬЯ. Да, милая, и я думаю, хоть за этимъ, кажется, у насъ рѣдко дѣло стоитъ.

ДОКТОРЪ. Все теперь такъ, какъ должно быть. Мой маленькій Александръ, желаю вамъ счастья, и вамъ тоже, милая крестница. Искреннее мое желаніе, чтобъ изъ васъ вышла точно такая-же жена, какъ моя бѣдная, добрая Долли.

(Занавѣсъ опускается.)